

СОДЕРЖАНИЕ

АНАТОМИЯ ГОСУДАРСТВА

ЧЕМ ГОСУДАРСТВО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ.	7
ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО.	10
КАК ГОСУДАРСТВО СЕБЯ СОХРАНЯЕТ	15
КАК ГОСУДАРСТВО ВЫХОДИТ ЗА ФЛАЖКИ	26
ЧЕГО ГОСУДАРСТВО БОИТСЯ	40
КАК ГОСУДАРСТВА ОТНОСЯТСЯ ДРУГ К ДРУГУ.	42
ИСТОРИЯ КАК СОРЕВНОВАНИЕ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТЬЮ ОБЩЕСТВА	48

Статьи

ФРАНЦ ОППЕНГЕЙМЕР «ГОСУДАРСТВО». (Рецензия)	55
Консерватизм и свобода: либертарианский комментарий	59
О свободе и законе	69

ВОЙНА, МИР И ГОСУДАРСТВО	82
СМЫСЛ СЛОВА «РЕВОЛЮЦИЯ»	105
АНАРХО-КОММУНИЗМ	109
ДОКТРИНА СПУНЕРА—ТАККЕРА: ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТА	116
ЗАЧЕМ БЫТЬ ЛИБЕРТАРИАНЦЕМ?	134
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	143

АНАТОМИЯ ГОСУДАРСТВА

ЧЕМ ГОСУДАРСТВО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ

Почти повсеместно государство считается институтом, который предоставляет общественные услуги. Некоторые теоретики благоговейно превозносят государство как апофеоз общества; другие считают его дружелюбной, хотя зачастую и неэффективной организацией для достижения общественных целей; но почти все считают его необходимым средством достижения целей человечества, средством, которое должно быть противопоставлено «частному сектору» и часто побеждать в этой конкуренции ресурсов. С распространением демократии отождествление государства с обществом усилилось до такой степени, что часто можно услышать мнения, нарушающие практически все постулаты разума и здравого смысла, вроде «правительство — это мы». Полезный собирательный термин «мы» позволил набросить идеологический камуфляж на реальность политической жизни. Если «правительство — это мы», тогда все, что правительство ни делает с человеком, не только справедливо и нетиранично, но также «добровольно» со стороны соответствующего индивида. Если правительство взяло на себя огромный государственный долг, который надо выплатить, облагая налогами одну группу в пользу другой, реальность этого бремени вуалируется фразой «мы должны сами себе»; если правительство призывает человека в армию или бросает его в тюрьму за инакомыслие, то «он делает это сам с собой» и поэтому ничего предосудительного не произошло. Если

следовать этой логике, тогда евреи, убитые нацистским правительством, не были убиты; вместо этого они, должно быть, «совершили самоубийство», так как они были правительством (которое было избрано демократическим путем) и поэтому все, что с ними сделало правительство, было добровольно с их стороны. Казалось бы, нет необходимости это обсуждать, однако подавляющее большинство людей подвержено этому заблуждению в большей или меньшей степени.

Поэтому нам следует подчеркнуть, что «мы» — не правительство, а правительство — не «мы». Правительство никоим точным образом не «представляет» большинство народа¹. Но даже если бы оно и представляло, даже если 70% народа решило бы убить остальные 30%, все равно это было бы убийством, а не добровольным самоубийством со стороны истребленного меньшинства². Никакой органической метафо-

¹ Мы не можем в этой главе обсуждать множество проблем и заблуждений «демократии». Достаточно сказать, что истинный агент или «представитель» [индивидуа] всегда должен подчиняться приказам этого индивида, может быть уволен в любое время и не может действовать вопреки интересам и желаниям своего принципала. Ясно, что при демократии «представитель» никак не может выполнять таких агентских функций, единственно совместимых с либертарианским обществом.

² Социал-демократы часто отвечают, что демократия — избрание правителей большинством — логически подразумевает, что большинство должно предоставлять определенные свободы меньшинству, так как однажды меньшинство может стать большинством. Помимо прочих недостатков, этот аргумент не верен в тех случаях, когда

ре, никакой бессмысленной банальности вроде «мы все часть друг друга» не следует позволять затмевать этот базовый факт.

Если государство — не «мы», если оно — не «человеческая семья», собирающаяся вместе для решения общих проблем, если это не профсоюзное собрание или загородный клуб, то что это? Вкратце государство — это организация в обществе, которая пытается поддерживать монополию на применение силы и насилия на определенной территории; в частности, это единственная организация в обществе, которая получает свой доход не при помощи добровольных взносов или платежей за оказанные услуги, а при помощи принуждения. В то время как другие индивиды или институты получают доход посредством мирной и добровольной продажи товаров и услуг другим, государство получает доход, используя принуждение, то есть угрожая тюрьмой и штыком³. Использовав насилие

меньшинство не может стать большинством, например когда меньшинство принадлежит к другой расовой или этнической группе.

³ «Трения или антагонизм между частной и общественной сферами получили первоначальный толчок еще в тот период, когда... государство стало жить на доход, создававшийся в частной сфере и предназначавшийся для частных целей. Посредством политической силы его надо было изъять из частного использования. Существование теории, проводящей аналогию между налогами и членскими взносами в клуб или, скажем, оплатой услуг врача, свидетельствует лишь о том, насколько далека эта область обществоведения от научного подхода» (*Joseph A. Schumpeter. Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper and Bros., 1942. P. 198. [Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер Й. Теория

для получения дохода, государство обычно на этом не останавливается и регулирует и диктует остальные действия своих подданных. Можно подумать, что достаточным доказательством этих утверждений может служить простое наблюдение всех государств на протяжении истории по всему миру; однако миазмы мифов так долго окутывали деятельность государства, что существует необходимость в разъяснении.

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО

Человек приходит в этот мир нагим и нуждается в применении разума, чтобы научиться использовать ресурсы, данные ему природой, и трансформировать их (например, путем инвестирования в «капитал») в формы, состояния и места, где ресурсы могут быть использованы для удовлетворения его желаний и повышения его уровня жизни. Единственным способом этого добиться для человека является использование своего разума и энергии для трансформации ресурсов («производство») и для обмена получившихся продуктов на продукты, созданные другими. Человек обнаружил, что благодаря процессу добровольного, обоюдовыгодного обмена производительность и, следовательно, уровень жизни всех участников обмена могут чрезвычайно сильно повыситься. Поэтому единственным «природным» способом для человека выжить

экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 587—588]). Также см.: *Murray N. Rothbard. The Fallacy of the «Public Sector» // New Individualist Review*. 1961. Summer. P. 3ff.

и достичь достатка является использование своего разума и энергии для участия в процессе производства и обмена. Для этого он сначала находит природные ресурсы, затем преобразует их (по выражению Локка, «смешивает с ними свой труд»), превращая их в свою личную собственность, а затем обменивает эту собственность на аналогично полученную собственность других людей. Таким образом, социальный путь, диктуемый требованиями природы человека, — это путь «прав собственности» и «свободного рынка» обмена или дарения этих прав. На этом пути люди научились избегать пещерных методов борьбы за редкие ресурсы так, что А может их получить только в ущерб Б, и, наоборот, чрезвычайно преумножать эти ресурсы в мирном и гармоничном производстве и обмене.

Великий немецкий социолог Франц Оппенгеймер отметил, что существуют два взаимоисключающих способа приобретения богатства; один из них, упомянутый выше способ производства и обмена, он называл «экономическим средством». Другой способ проще и не требует производительности; это способ захвата товаров и услуг других людей при помощи силы и насилия. Это метод односторонней конфискации или кражи чужой собственности. Это метод, который Оппенгеймер назвал «политическим средством» приобретения богатства. Должно быть ясно, что мирное использование разума и энергии для производства — это «природный» путь для человека: средство его выживания и процветания на этой земле. Точно так же должно быть ясно, что принудительное, эксплуататорское средство противоречит природному закону; он паразитичен, поскольку вместо обеспечения прибавки

к производству он из него вычитает. «Политическое средство» перекачивает производство в пользу паразитической и разрушительной личности или группы; и такое перекачивание не только уменьшает количество произведенного, но также снижает стимул производителя производить сверх минимально необходимых ему средств к существованию. В долгосрочной перспективе грабитель уничтожает собственные средства к существованию, истощая или уничтожая источники своего благополучия. Но это не всё, даже в краткосрочной перспективе хищник действует вопреки собственной человеческой природе.

Теперь мы можем более полно ответить на вопрос: что такое *государство*? Государство, по словам Оппенгеймера, это «организация политических средств»; это систематизация хищнического процесса на данной территории⁴. Ведь преступность

⁴ «Существуют два принципиально противоположных средства, с помощью которых человек, нуждающийся в средствах к существованию, склонен получать необходимые ему средства для удовлетворения своих желаний. Это работа и разбой, собственный труд и насилиственное присвоение труда других людей. <...> ...при описании собственного труда человека и процесса эквивалентного обмена результатов своего труда на результаты труда других людей я предлагаю использовать определение „экономические средства“, в то время как для описания изъятия [результатов] чужого труда без компенсации я предлагаю использовать определение „политические средства“. <...> Государство представляет собой организацию политических средств. Поэтому ни одно государство не может возникнуть, пока при помощи экономических средств не

спорадична и неопределенна; паразитизм эфемерен, и сопротивление жертв может в любой момент прервать образ жизни, основанный на принуждении и паразитизме. Государство предоставляет узаконенный, упорядоченный и систематический канал для расхищения частной собственности; оно предоставляет паразитической касте общества надежную, безопасную и сравнительно «мирную» жизненную траекторию⁵. Поскольку производство всегда предваряет расхищение, свободный рынок предшествует государству. Государство никогда не создавалось через «общественный договор»; оно всегда рождалось в результате завоевания и эксплуатации. Классическая парадигма состояла в том, что племя завоевателей прекращало свой проверенный временем метод грабежа и истребления завоеванного племени, сообразив, что можно грабить дольше, надежнее и в более приятной обстановке,

будет создано определенное число объектов, которые можно отнять или присвоить при помощи воинственного грабежа» (*Franz Oppenheimer. The State.* New York: Vanguard Press, 1926. P. 24—27 [Ср.: *Оппенгеймер Ф. Государство: переосмысление.* М.: RUSTATE.ORG, 2020. С. 76—77, 78]).

⁵ Альберт Джей Нок ярко написал: «Государство заявляет право и реализует монополию на преступление. <...> Оно запрещает частные убийства, но само организовывает убийства в колоссальных масштабах. Оно карает частные кражи, но само без разбору накладывает руку на все, что пожелает, будь то собственность гражданина или иностранца» (*Nock. On Doing the Right Thing, and Other Essays.* New York: Harper and Bros., 1929. P. 143; цит. по: *Jack Schwartzman. Albert Jay Nock — A Superfluous Man // Faith and Freedom.* 1953. December. P. 11).

если завоеванному племени позволить жить и производить, а при этом завоеватели поселятся среди них как правители, вымогая постоянную ежегодную дань⁶. Один из методов зарождения государства можно проиллюстрировать следующим образом: на холмах Южной Руритании группе бандитов удается установить физический контроль над территорией и в конце концов главарь банды объявляет себя «Королем суверенного и независимого правительства Южной Руритании»; и если он и его люди обладают силой для поддержания такого правления в течение некоторого времени — о чудо! — новое государство присоединяется к «семье народов», а прежние лидеры бандитов превращаются в законную знать королевства.

⁶ «Что же тогда государство как социологическая концепция? Государство полностью по своему происхождению... является социальным институтом, насильственно навязанным группой победителей группе побежденных с единственной целью обеспечить господство победившей группы над побежденными и обезопасить себя от бунта внутри и атаки извне. Телеологически, это доминирование не имело никаких других целей, кроме экономической эксплуатации покоренных победителями» (*Oppenheimer. The State.* P. 15 [ср.: *Оппенгеймер. Государство.* С. 70]).

А Жувенель написал: «..., „государство“ возникает, в сущности, благодаря успехам „разбойничьей шайки“, которая ставит себя выше отдельных маленьких обществ...» (*Bertrand de Jouvenel. On Power.* New York: Viking Press, 1949. P. 100—101 [*Жувенель Б. де. Власть: естественная история ее возрастаия.* М.: ИРИСЭН, 2024. С. 154]).

КАК ГОСУДАРСТВО СЕБЯ СОХРАНЯЕТ

Как только государство образовалось, перед правящей группой или кастой возникает проблема — как поддерживать свое правление⁷. Хотя их *modus operandi* — насилие, в долгосрочной перспективе главная проблема — идеологическая. Для пребывания у власти *любое* правительство (а не только «демократическое») должно иметь поддержку большинства своих подданных. Следует отметить, что такая поддержка не обязательно должна выражаться в форме активного энтузиазма; вполне достаточно пассивного смирения, как перед неизбежным законом природы. Но поддержка в смысле определенного рода принятия необходима; в противном случае большинство общества в конце концов одолеет меньшинство правителей государства. Так как хищничество должно поддерживаться избытком производства, по необходимости верно то, что класс, составляющий государство, — занятой полный рабочий день чиновничество (и знать) — должен составлять незначительное меньшинство в стране, хотя, конечно, они могут покупать союзников среди важных групп населения. Поэтому главной задачей правителей всегда является обеспечение активного

⁷ О ключевом различии между «кастой», группой с привилегиями или тяготами, нациально предоставленными или наложенными государством, и марксистской концепцией «классов» в обществе см.: Ludwig von Mises. Theory and History. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1957. P. 112ff. [Мизес Л. фон. Теория и история. М.; Челябинск: Социум, 2024. С. 100 и сл.]

или смиренного принятия со стороны большинства граждан^{8, 9}.

Конечно, один из методов обеспечить поддержку — создание укорененных экономических групп. Поэтому король не может править сам; он должен иметь значительную группу последователей, располагающих предпосылками правления, например сотрудников государственного аппарата, таких как постоянное чиновничество и признанная знать¹⁰. Однако

⁸ Такая поддержка, конечно, не означает, что государство стало «добровольным»; так как, даже если большинство поддерживает активно и охотно, эта поддержка не является единогласной.

⁹ То, что любое правительство, независимо от степени его «диктаторства» по отношению к человеку, должно заручиться такой поддержкой, было продемонстрировано такими политическими теоретиками, как Этьен де ла Боэси, Давид Юм и Людвиг фон Мизес. Например, ср.: *David Hume. Of the First Principles of Government // Hume D. Essays, Literary, Moral and Political.* London: Ward, Locke, and Taylor, n.d. P. 23 [Юм Д. О первоначальных принципах правления // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 504]; *Etienne de la Boetie. Anti-Dictator.* New York: Columbia University Press, 1942. P. 8—9 [Ла Боэси Э. Рассуждение о добровольном рабстве. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 9—10]; *Ludwig von Mises. Human Action.* Auburn, Ala.: Mises Institute, 1998. P. 188ff. [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. М.; Челябинск: Социум, 2024. С. 179 и сл.] Подробнее о вкладе в анализ государства Ла Боэси см.: *Oscar Jaszi and John D. Lewis. Against the Tyrant.* Glencoe, Ill.: The Free Press, 1957. P. 55—57.

¹⁰ «...К государю, как только он превращается в тирана, устремляются... те отмеченные пламенем честолюбия и непомерной алчностью, которые собираются вокруг него и поддерживают его, чтобы обеспечить

это обеспечивает только небольшое количество ярых сторонников, и даже жизненно важная покупка поддержки при помощи субсидий и предоставления других привилегий все же не позволяет получить согласия большинства. Для этого при помощи идеологии большинство следует убедить в том, что их правительство доброе, мудрое и по меньшей мере неизбежное, и уж точно лучше, чем любые мыслимые альтернативы. Распространение этой идеологии среди народа — важнейшая социальная задача «интеллектуалов». Ведь массы не создают собственных идей и не продумывают эти идеи независимо; они пассивно следуют идеям, которые приняты и распространяются корпусом интеллектуалов. Таким образом, интеллектуалы являются «скульпторами общественного мнения». А так как именно в формировании общественного мнения отчаянно нуждается государство, становится ясной основа векового альянса государства и интеллектуалов.

Очевидно, что государство нуждается в интеллектуалах; не так очевидно, почему интеллектуалы нуждаются в государстве. Проще говоря, можно утверждать, что на свободном рынке благополучие интеллектуала всегда непрочно; ведь интеллектуал вынужден зависеть от ценностей и вкусов массы своих сограждан, а для масс характерно именно общее равнодушие к интеллектуальным вопросам. С другой стороны, государство охотно предлагает интеллектуалам прочное

себе долю в добыче и быть самим маленькими тиранчиками при большом тиране» (*La Boetie. Anti-Dictator.* Р. 43—44 [*Ла Боэси. Рассуждение о добровольном рабстве.* С. 35]).

и постоянное место в государственном аппарате, а тем самым надежный доход и престиж. Ведь интеллектуалы будут щедро вознаграждены за важную функцию, которую они выполняют для государственных правителей, к группе которых они теперь присоединяются¹¹.

Альянс между государством и интеллектуалами проявился в страстном желании профессоров Берлинского университета в XIX столетии сформировать группу «интеллектуальных телохранителей дома Гогенцоллернов». В наши дни следует обратить внимание на откровенное замечание влиятельного ученого-марксиста, касающееся критического исследования восточного деспотизма профессором Виттфогелем: «Цивилизация, подвергнутая профессором Виттфогелем столь резким нападкам, принадлежала к числу тех, которые сумели сделать поэтов и ученых чиновниками»¹². Можно также отметить

¹¹ Это ни в коем случае не означает, что все интеллектуалы заключили союз с государством. О сотрудничестве интеллектуалов и государства см.: *Bertrand de Jouvenel. The Attitude of the Intellectuals to the Market Society // The Owl. 1951. January. P. 19—27; Idem. The Treatment of Capitalism by Continental Intellectuals // F.A. Hayek, ed. Capitalism and the Historians. Chicago: University of Chicago Press, 1954. P. 93—123*; перепечатано в: *George B. de Huszar, ed. The Intellectuals. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1960. P. 385—399* [Жувенель Б. де. Интерпретация капитализма европейскими интеллектуалами // Хайек Ф. Капитализм и историки. М.; Челябинск: Социум, 2023. С. 82—107]; а также: *Schumpeter. Imperialism and Social Classes. New York: Meridian Books, 1975. P. 143—155.*

¹² *Joseph Needham. Review of Karl A. Wittfogel, Oriental Despotism // Science and Society. 1958.* Нидхэм также пишет, что «во все века династиям [китайских] императоров служила

многочисленные примеры развития «науки» стратегии, состоящей на службе у вооруженных сил, основной ветви правительства, осуществляющей насилие¹³. Кроме того, почтенным институтом является занятие официального или «придворного» историка, посвященное распространению взглядов правителя на деяния его и его предшественников¹⁴.

великая компания глубоко гуманных и бескорыстных ученых. Виттфогель отмечает конфуцианскую доктрину, согласно которой слава правящего класса опирается на благородных ученых — бюрократов и чиновников, призванных быть профессиональными правителями, диктующими народным массам. См.: *Karl A. Wittfogel. Oriental Despotism*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1957. P. 320—321. Противоположная точка зрения представлена в: *John Lukacs. Intellectual Class or Intellectual Profession? // de Huszar. The Intellectuals*. P. 521—522.

¹³ *Jeanne Ribs. The War Plotters // Liberation*. 1961. August. P. 13: «...стратеги настаивают, что их профессия заслуживает „уважения как академический аналог военной профессии“», см. также: *Marcus Raskin. The Megadeath Intellectuals // New York Review of Books*. 1963. November 14. P. 6—7.

¹⁴ Например, историк Коньерс Рид в своем обращении к президенту выступал за замалчивание исторических фактов с целью служения «демократии» и национальным ценностям. Рид провозгласил, что «всеобщая война, неважно, холодная или горячая, ставит под ружье всех и призывает всех выполнять свою функцию. Историк не более свободен от этого долга, чем физик» (*Read. The Social Responsibilities of the Historian // American Historical Review*. 1951. P. 283ff.). Критику Рида и других аспектов придворной истории см. в: *Howard K. Beale. The Professional Historian: His Theory and Practice // The Pacific Historical Review*. 1953. August. P. 227—255. Также см.: *Herbert*

Аргументы, с помощью которых государство и его интеллектуалы склоняли подданных к поддержке своего правления, многочисленны и разнообразны. В целом аргументы можно свести к следующему:

(а) правители государства — великие и мудрые люди (они «правят по божественному праву», они — «аристократы» среди людей, они — «научные эксперты»), гораздо выше и мудрее своих хороших, но простоватых подданных, и

(б) власть правительства неизбежна, абсолютно необходима и намного лучше, чем неописуемое зло, которое воспоследует за его падением. Союз церкви и государства был одним из древнейших и наиболее успешных из этих идеологических приемов. Правитель был либо помазанником божьим, либо, как в случае многих восточных деспотий, сам являлся богом, так что любое сопротивление его правлению было богохульством. Государственные жрецы выполняли основную интеллектуальную функцию — обеспечение народной поддержки и даже поклонения правителям¹⁵.

Другой успешный прием — внушить страх альтернативной системы правления или отсутствия правления. Поддерживалось мнение, что нынешние правители предоставляют гражданам жизненно

Butterfield. Official History: Its Pitfalls and Criteria // Herbert Butterfield. History and Human Relations. New York: Macmillan, 1952. P. 182—224; также см.: *Harry Elmer Barnes. The Court Historians Versus Revisionism.* n.d. P. 2ff.

¹⁵ Ср.: *Wittfogel. Oriental Despotism.* P. 87—100. О противоречивой роли религии в отношении государства в Древнем Китае и средневековой Японии см.: *Norman Jacobs. The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia.* Hong Kong: Hong Kong University Press, 1958. P. 161—194.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru